

Солженицын
Александр

19.01.01.

16

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА 19.01.2001

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Олег Мраморнов

ДВАДЦАТЫЙ век – в последней его трети – прошел под знаком Солженицына и завершился на солженицынской ноте. Очень престижная в интеллектуальном мире Большая премия Французской Академии морально-политических наук 13 декабря 2000 года вручена в посольстве Франции в Москве знаменитому писателю. В речи при вручении премии известный философ-француз Аллен Бенсон от лица Академии аттестовал Солженицына «не только «моментом человеческой совести», но главным действующим лицом истории» и подчеркнул тем самым присутствие, влияние, роль отечественного писателя, мыслителя и публициста в историческом процессе, пожелав ему совпадения с теми путями этого процесса, которые лежат в области обретения «счастья»

туда попала. Я с этим не согласен. Я верю и постоянно верил, и это всегда осуществлялось, в преимуществе духа над бытием. Я думаю, что это поможет России вырваться. Я думаю шире – что и Западу эта проблема духа, который перерабатывает бытие, тоже весьма не бесполезна и своевременна».

Лауреат подробно остановился на состоянии морального и духовного климата в человеческом сообществе. Поблагодарив в начале ответной речи французскую Академию и коснувшись давних культурных связей между Францией и Россией, он сразу перешел к вопросу о гуманизме, сделав этот вопрос стержнем выступления.

«...Крупным явлением международной жизни я бы назвал перерождение гуманизма. Гуманизм веков пять назад родился и развелся от заманчивого замысла – перенять у христианства его добрые идеи, его сочувствие к обездоленным и притесненным, его признание свободы воли каждого

чтобы общий фон жизни. Нет больше дальних – все ближние. Хотя никто, конечно, так мне не близок, как я, единственный – самому себе. Солженицын вспоминает Гольбаха, Дидро, Гельвеция, просвещенную теорию «разумного эгоизма» и прословутый «просвещенный эгоистический интерес», который выдвигают и оправдывают в наши дни. Эгоизм, но просвещенный, а разрыв между богатыми и отсталыми странами все увеличивается. Вопиющие мировые проблемы бедности, отсталости, экологии всплывают и всплывают к небу.

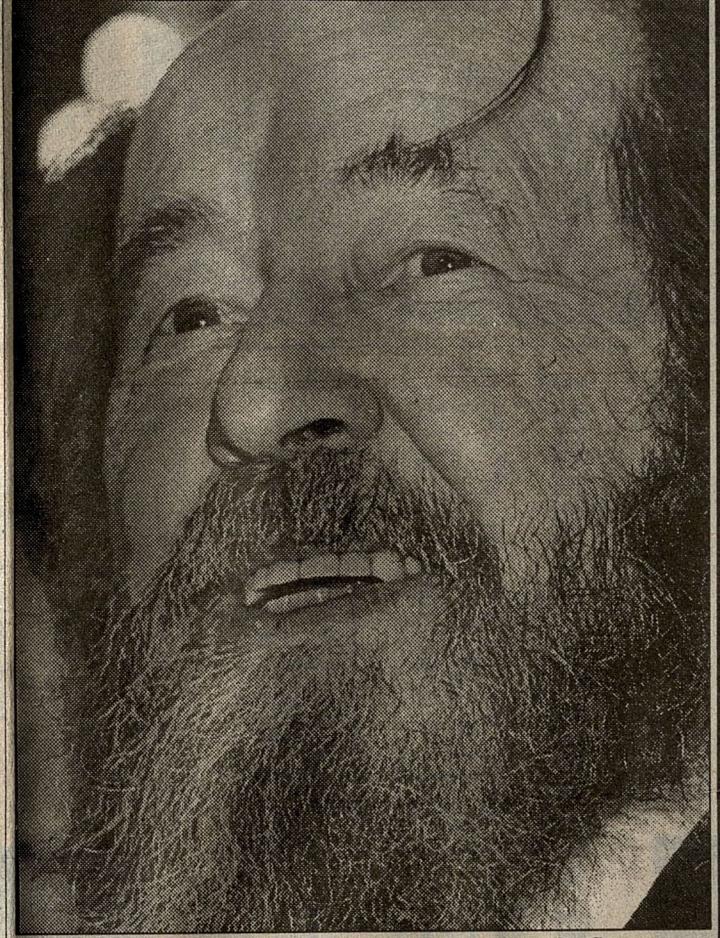
«...Во имя гуманных принципов (только во имя гуманных принципов) можно начать бомбить мирную пятимиллионную европейскую страну, лишить ее живительного электричества, разрушать прекрасные дунайские мосты. Для того ли, чтобы одну группу населения уберечь от депортации, но тем самым обречь на депортацию другую группу? Или для того, чтобы излечить

тора, публициста и моралиста).

Запутались с гуманизмом, а Солженицыну – распутывать. Солженицын, как видим, тоже сомневается относительно возможностей мирового организованного гуманизма. А про гуманизм он, конечно, знает лучше нас. В то время как нам вдавливали в голову нечто о преимуществах пролетарского гуманизма над химерой буржуазного, Солженицын негромко и потаенно воплощал на бумаге (лишь потом всемирно прогремел) принципы человеколюбия: писал Ивана Денисовича, Матрену, «Раковый корпус», «Архипелаг ГУЛАГ»...

вытесняется классом, и создается новый миф о мессианстве пролетариата. Маркс есть один из исходов гуманизма. Для Ницше высшей ценностью является не человек, а сверхчеловек, высшая раса, человек должен быть пре-взойден. Ницше есть другой исход гуманизма».

Ницше, Маркс с Лениным, пролетарское человеколюбие отходят в область воспоминания. Бердяев произносил свои слова в преддверии мировой войны, когда на карту была поставлена ценность человека и старый гуманизм пытался напомнить о ней. А Солженицын видит уже следующий исход:

По мнению интеллектуалов Запада, Александр Солженицын является главным действующим лицом истории. Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

«ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ГУМАНИЗМА»

Солженицын верит в преимущество духа над бытием

свободы и права». «Мы надеемся, что Россия, ведомая хорошим правительством, также познает счастье свободы и права. Мы полагаем, что один из величайших людей этого века поможет ей этого счастья захотеть и его обрести. Именно в этом, дорогой Александр Исаевич, заключается смысл Большой премии, которую рада присудить вам Академия морально-политических наук».

...В ответной речи лишь ведет не скажешь, но у опытных ораторов есть свои приемы.. Мало кто, наверное, сомневается, что Солженицын хочет для России счастья, однако он отреагировал на пожелание Безансона умолчанием о путях и перспективах попадания России в область счастья свободы и права, то есть светлого демократического будущего, а специально отметил особую трагичность российской истории, имеющей место быть грабеж национального достояния и достояния населения, подавленность самоуправления и народной инициативы, за- силье чиновников.

Быть сильное место, показывающее неостывший темперамент опытного критика отечественной социально-политической эмпирии-действительности, и как бы встук к словам Безансона о хорошем правительстве: «Наш политический класс составлен диким образом: из нераскающихся номенклатуристов, всю жизнь проживавших капитализм, а теперь восславивших его. Из хищных комсомольских вожаков, из абсолютных политических авантюристов, из находчивых экономических грабителей, из случайных людей, мало подготовленных для роли, которую они на себя взяли. Нравственный уровень нашего политического класса невысок, интеллектуальный не выше».

Далее последовала фраза, начинаящаяся с утверждения отрицательно негативного характера, а в итоге решительно утверждающая победу духа над косной материей – русский путь. Взамен рационально безкоризненной перспективе свободы и права – внезапная сверхрationalная вспышка с адресацией к Западу тоже. «В этих условиях о России говорят, что Россия продвигается в третий мир. Только некоторые говорят, что она уже безвозвратно

человека. Перенять, но устроить Творца мироздания. И, казалось, это очень хорошо удалось. Век за веком гуманизм проявил себя как широкодушное, человеческое движение. И ему удалось в разных случаях истории смягчить зверства и жестокости. Однако...

За этим «однако» последовало иной раз что-то очевидное и ясное, а порой не столь очевидное, не отстоявшееся – то, что не удалось или не удается. Гуманизм не уберег человечество в XX веке от двух страшных мировых войн. Как говорил один литературный герой: факт. Чувствуя свою недостаточность и бессилие, гуманизм мог принять контуры обещательного глобализма. Звучит не очень отчетливо: мог. Выходит, глобализм лидеры мирового гуманизма человечеству лишь обещали и у нас еще все впереди.. Глобализм – это тенденция или данность, хорошо или плохо?..

Итак, гуманизм на новом витке пытается что-то сделать, но – не получается. Пытается подняться на новый уровень – установить рациональный порядок на всей земле путем создания единого мирового правительства из высококультурных людей, которое будет зорко и заботливо следить за нуждами каждого отдаленного уголка земли, каждого народа. Не удается. Хотя создали ООН. Создать соалии, но оттесняют, не очень считаются, например, в случае с бомбардировками Югославии... Солженицын приводит выразительные цифры: «США составляют 5% населения Земли, но потребляют до 40% сырья и материалов и вносят 50% всеобщего отравления».

Успешливый лидер общества потребления отнюдь не желает отказываться от своих преимуществ под неслабым давлением международных форумов, конференций и призов. Да и зачем, во имя чего Штатам себя ограничивать, принимать во внимание тезис Солженицына о высшей свободе как дальновидном самосовершенствовании? У них выше человека ничего нет: все во имя человека, все для блага человека...

Но ведь гуманизм-глобализм пытается брать на свои плечи заботу о собратьях по земному обитанию, вызывается выров-

страну, объявленную больной, или оторвать от нее лакомую провинцию? Как заблудился антропоцентризм! И с этим мы переходим в ХХI век...

Поверх общегуманных принципов, призванных соединять человечество, Солженицын говорит о перерождении гуманизма в «просвещенный эгоистический интерес» и ставит диагноз: секулярный антропоцентризм. «Так вот, упорный, секулярный антропоцентризм когда-то должен был войти в этот кризис. И с ним мы вступаем в ХХI век».

Эгоистический интерес преобладает более, чем всегда, несмотря на декларирование гуманных принципов и стремление к глобальной всеобщности, несмотря на международные институты, берущие на себя функцию справедливого арбитра и заботу о слабых. Доброе познается по плодам, а не по намерениям.

Когда практика гуманизма в мировом масштабе раз от разу не приносит желаемых результатов, можно предположить, что и сам высокий принцип гуманности претерпевает здесь какие-то мутации. Вспомним начало выступления Солженицына, и станет ясно, что секулярный антропоцентризм – финал, исход того гуманизма, который перенимает у христианства его добрые идеи, но устраивает Творца мироздания. Переход гуманизма.

Но ведь Бог умер еще в голове у Ницше, а поэт Александр Блок, облитый заревом революций и разорванным их ветром воздухом, говорил о «摧折ении гуманизма» (однако видел впереди двенадцати революционеров Иисуса Христа – хотел видеть другого, но другого нет). Солженицын что, только прояснился, что заявляет о перерождении гуманизма? Буржуазного, абстрактного? Какого? Одиночки-чудаки-гуманисты, должно быть, остались, но остался ли гуманизм на вытоптанном поле мирового исторического процесса (с которым Солженицына, как явствует из слов Алена Безансона, тесно связывают на Западе, и с которым он так или иначе действительно связан своей активной деятельностью в качестве политического ора-

тора, публициста и моралиста). Солженицын наследует русской литературе и русской религиозной философии. Русская литература актуализировала человеческое вопреки историческому и идеологическому прессу, а религиозная философия объясняла богочеловеческое. Бердяев давно предупреждал, что пошатнулась христианская идея человека, которая оставалась еще в гуманизме. Явление гуманизма Бердяев считал неизбежным в связи с нераскрытым в средневековой жизни христианского учения о человеке – оно с трудом усваивалось грековской природой человека, и Церковь не всегдаправлялась с задачей раскрытия этого учения.

«Но дальше произошел роковой по своим последствиям процесс, – говорил Бердяев в 1931 году, понимая богочеловеческий миф не как нечто нереальное, а как высшую реальность. – Началось и умственное и жизненное разрушение целостного богочеловеческого христианского мифа. Сначала была отвергнута одна половина мифа – миф о Боге. Но осталась еще другая половина – миф о человеке, христианская идея о человеке. Мы это видим, например, у Фейербаха. Он отверг Бога, но у него осталось еще богоподобие человека, он не посягнул еще на человека, как не посягнули те гуманисты, у которых осталась вечная природа человека. Но разрушение христианского теодорического мифа пошло дальше. Началось разрушение другой половины – мифа о человеке. Произошло отступничество не только от идеи Бога, но и от идеи человека. На человека посягнул Маркс, на человека посягнул Ницше. Для Маркса высшая ценность является уже не человек, а социальный коллектив. Человек

кризис упорного, секулярного антропоцентризма, то есть обратное возвращение к человеку, но поставление на первый план эгоистического человека, в котором перемешаны добро и зло, – взамен устремленного Творца. Человек выпивается, но из него вымывают его высшую составляющую. В скороспелом синтезе новейшего гуманизма происходит отказ от христианской идеи вечной природы человека, сотворенного по образу и подобию Божию. (Тогда как эпоха Возрождения, открывшая Новое время, дала импульс гуманизму, еще продолжавшему видеть в человеке образ Божий. И гуманизм русской литературы, традициям которой наследует Солженицын, видит в человеке этот образ.)

Последний исход гуманизма, который фиксирует Солженицын в своем выпаде против секулярного антропоцентризма, вытекает из установок на угодение человеку, на принцип потребления, удовольствия и комфорта, связан с притязаниями и обещаниями глобализма, единого мирового порядка, тотального либерального рынка. Надо обладать солженицынской последовательностью и даже дерзостью, чтобы произвести выпад против такого перерожденного гуманизма в присутствии награждающей стороны, представляющей как раз западные либеральные ценности (не будем, однако, забывать, что Франция не Америка)...

Стоит ли говорить, что Солженицын заслужил право на свой выпад, оставаясь неизменным сочувственником страждущей человечности в духе более традиционного гуманизма, пытающегося устоять под натиском истории.